

Пармакли С.И., Руссев Н.Д.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ БЕССАРАБИИ

(по документам Императорского Одесского общества истории древностей)

Parmakli S.I., Russev N.D. To the history of studying of ancient monuments of Bessarabia (by the documents of the Imperial Society of history of antiquities of Odessa [ISHAO]).

The interest to the "classic antiquity", flared up in Russia of XVIII c. With the subjugation of the Northern coast of the Black Sea, for the first time was put onto scientific base after the foundation of the Imperial Society of history of antiquities of Odessa [ISHAO] (1839). It was first in its own way regional organization and in the course of eighty years it ensured close relations between people connected with antiquities — from occasional possessors to professional researchers. As a result finds from personal collections got into the field of vision of scientists and found their places on the pages of thirty volumes of Notes ISHAO. By the efforts of the society there was organized a scientific base of research of classic monuments in the south of the empire, while Odessa became the biggest center of Russian historical science.

Documents of archives, that are being stored today in different countries show that in accordance to the tastes of XIX c., predilections of ISHAO were concentrated around the discoveries of ancient time. There are revealed 2 main zones of appearance of relics of ancient Greek and Roman civilizations: Low Dniester area with Akkerman (Tyra) and the lower reaches of Danube, island Zmeinyi inclusive. Materials of ISHAO, related to an ancient monuments of Bessarabia, hide the information that is compared with that that is still in the ground.

In the concentrated from they contain the information not only about the finds of original things, but also about the intensive scientific activity of historic-archaeological intellectual circle of the whole South-West Russian empire of XIX — early XX c. The publication of the information from the archives is able to transmit a positive impulse to the modern collaboration for new searches and undertakings in the field of studying of monuments of the past.

Живой интерес к предметам старины, зародившийся в России XVIII в., особенно вырос в правление «просвещенной» императрицы Екатерины II. С покорением Тавриды и других районов причерноморского юга «классические древности» стали регулярно поступать в Петербург, Москву, многократно усилив пришедшее ранее с Запада поклонение перед античной культурой. В следующем столетии поначалу любительское собирательство памятников эллино-римской эпохи приобрело небывалый размах, дав первые ростки научного подхода к материальной культуре Древней Греции и Рима.

В 1839 г. в Одессе создается Общество истории древностей, которому в 1872 г. Александр II даровал «в воздаяние заслуг, оказанных отечественной науке», наименование Императорского (ИВ 1914: 555). Императорское Одесское общество истории древностей (далее ИООИД или Общество) было первой в своем роде организацией в причерноморском регионе. Его деятельностью на протяжении восьми десятков лет обеспечивалась тесная связь людей, имевших то или иное отношение к древностям, — от случайных обладателей ими до профессиональных исследователей. В результате всевозможные

находки и раритеты из частных коллекций закономерно попадали в поле зрения ученых, публикации и выводы которых находили свое место на страницах объемистых «Записок ИООИД». Так усилиями Общества создавалась солидная научная база исследования памятников античной и средневековой эпох на юге империи, а Одесса становилась крупнейшим центром российской исторической науки.

В полном соответствии со вкусами XIX в., отвечавшими реальным археологическим возможностям края, включая и Бессарабию, пристрастия ИООИД концентрировались вокруг открытий материальных остатков античного времени. В этом легко убеждают публикации трех десятков томов «Записок», дающие одновременно и ясные представления для составления топографии бессарабских привязанностей Общества. Здесь выделяются две основные географические зоны происхождения реликтов древнегреческой и римской цивилизаций: Нижнее Поднепровье с Аккерманом и низовья Дуная, включая и известный своими античными реликтами остров Змеиный (=Фидониси, Левка). История изыскания памятников античности в каждой из них складывалась по-своему в связи

с политической судьбой земель Дунайско-Днепровского района и положением в пространстве по отношению к местонахождению штаб-квартиры ИООИД.

Прочное пребывание приднестровских территорий под властью России с 1812 г., их относительная отдаленность от государственной границы империи на западе и сравнительная близость к Одессе при возможностях транспортных средств XIX — начала XX вв. имели большое значение в качестве объективных условий для полевых изысканий. Они были в этих местах сравнительно более плодотворными и систематическими.

Иной была ситуация в Придунавье. Кроме того, что Одесса отстояла более чем на 200 верст, район не раз оказывался вовлеченным в театр военных действий, а после бесславной Крымской кампании на два десятилетия был потерян российской короной. Разумеется, в условиях нестабильного существования, когда неоднократно изменялся политический статус края, а отчасти и состав населения, трудно вести речь об изучении древностей. Складывавшиеся не лучшим образом обстоятельства заметно сказались как на степени исследованности памятников материальной культуры, так и на сохранности добытых вещей. О некоторых из находок известно порой только из кратких и весьма невнятных упоминаний того давнего времени.

Изучение документов из фонда 93 Государственного архива Одесской области, а также Одесской государственной научной библиотеки им. А.М.Горького и Национального архива Республики Молдова (далее соответственно — ГАОО, ОГНБ, НАРМ) в определенной мере открывает историю исследования обществом античных памятников Бессарабии со слабо освещенной до сих пор в историографии стороны. Их анализ целиком подтверждает районирование деятельности Общества, легко устанавливаемое по данной публикации. Вовсе не удивляет то, что преобладающее количество материалов касается находок в Аккермане и его округе. Эта традиция одесских археологов-античников, уходящая корнями в прошлое столетие, продолжает господствовать и теперь. Преемственность можно усмотреть и в широком использовании современными исследователями древней Тире достижений российской науки минувшего века и, особенно, результатов работ ИООИД (Карышковский, Клейман 1985: 18-25 и др.). Среди пионеров в деле привлечения к поиску в области античной истории Северо-Западного Причерноморья архивных материалов, хранящихся в Одессе, следует по праву признать П.О.Карышковского. Отдавая дань высокому авторитету ученого, можно еще раз подчеркнуть: именно благодаря обращению к документам, ему удалось вернуть исторической науке казалось бы навсегда утраченные эпиграфические и нумизматические памятники Ольвии и Тире

(Виноградов 1990: 6-7).

В продолжение давно и четко обозначившихся линий изучения памятников античной цивилизации в крае хотелось бы предложить сведения из ряда архивных документов, касающихся изысканий Общества 1840-1904 гг. в Бессарабии. Не исключено, что приводимые сообщения будут полезны для уточнения мест находок известных образцов древностей греко-римской эпохи, способствовать успеху в поиске новых археологических памятников в приморской части междуречья Дуная и Днестра, вопрос о которых ставится учеными (Гудкова 1989: 69-70). Может представлять интерес и то, что сведения некоторых архивных источников при сопоставлении с накопленными за последние десятилетия знаниями об открытии остатков материальной культуры античности дают основания для любопытных выводов уже в рамках настоящей статьи. Подборку данных по районам мы открываем наиболее ранними сведениями, придерживаясь и далее проблемно-хронологического принципа изложения.

Первая удача пришла Обществу из Аккермана летом 1860 г., когда в Одессу поступили памятники, присланные стараниями заведующего работами гавани на Днестровском лимане, любителя старины статского советника Струкова. Приложенное письмо из Инспекции сельского хозяйства южных губерний сообщало, что при строительстве каменной пристани, которое вел от Общества пароходства и торговли инженер Аркадий Антонович Дьяченко, в прибрежном обрыве сделаны замечательные открытия. Расчищая берег, рабочие нашли «мраморную статую с отбитыми частями, мраморный торс и мраморную надгробную плиту с рельефными изображениями и надписями». Со ссылкой на слова инженера указывалось: «Над обрывом существуют мраморные остатки значительного строения, которые вероятно будут уничтожены при производстве местной копки камня на пристань, если не придет кто-либо опытный в древностях для определения важности такого открытия». Вместе с указанными вещами в Одессу были отправлены «две головы, найденные в земле того же обрыва» (ГАОО 93-1-52: 57 — здесь и далее обозначения архивных документов даны в последовательности: архив, фонд, опись, дело, лист/страница).

Аккерманские находки вызвали в Одессе большой научный интерес, и в Бессарабию направился Николай Николаевич Мурзакевич, профессор Ришельевского лицея, первый секретарь Общества (1839-1875 гг.), а затем его вице-президент — с 10 марта 1875 г. по день кончины 15 сентября 1883 г. О результатах поездки секретаря 14-15 августа известно из датированного 18 августа отчета, представленного в ИООИД и заслушанного на 110-м заседании 25 октября 1860 г. Из текста этого документа следует, что предметы, принадлежавшие «к древ-

ней эллинской эпохе», найдены в переложеном слое и, скорее всего, «заброшены» на берег в средние века. Прекрасные вещи имели особенную важность для общества еще и потому, что такие находки случились «в Аккермане в первый раз» со времени возникновения ИООИД.

Кроме того, при осмотре обрыва берега Н.Н.Мурзакевич заметил «на каменном грунте, прикрытые черноземом и мусором три древнейшие гробницы, выкопанные в земле в виде верхнего полушария, внутри вымазанного слоем извести». В обнажившихся в срезе берега погребальных сооружениях полусферического профиля ученый отметил следы огня и пережженных человеческих костей. Неподалеку обнаружили еще две «земляные гробницы, но не круглые, а сложенные из глиняных черепиц на угол». Эти погребальные камеры, имевшие в разрезе треугольную форму, также содержали кальцинированные кости людей. Автор написал в отчете: «По всей видимости, открывшиеся гробницы принадлежат к отдаленной эпохе, быть может к той, когда эллины здесь, за 600 лет до Р.Х. начали заводить торговые притоны». Чтобы в будущем возможные древние вещи не попадали в частные руки, секретарь Общества обратился в Одесскую контору пароходства и торговли, а также к Бессарабскому губернатору с прошением сделать распоряжение «к собранию находок» для последующей передачи в ИООИД. В обоих случаях на просьбы были даны удовлетворительные ответы. Таким образом, находки 1860 г. повернули лицом к науке о древностях не только дотошных ученых и вездесущих антикваров, но и администрацию края — от аккерманского городничего до начальника Бессарабской области генерал-лейтенанта Фантон де Веррайона. Именно поэтому весть об аккерманских античных памятниках нашла отражение во многих документах общества (ГАОО 93-1-4: 7; 93-1-52: 60-61; 93-1-158: 126, 133, 141; НАРМ 2-1-6975: 3-11).

В известной мере следствием событий 1860 г., взбудораживших сформировавшуюся вокруг ИООИД научную и околонучную общественность, является поездка в Аккерман спустя шесть лет Ф.А.Струве. Результаты этого посещения правобережья Днестровского лимана изложены в «Археологических заметках», представленных автором на 134-м заседании 21 сентября 1866 г. (ГАОО 93-1-4: 102, 149; 93-1-159: 3). На наш взгляд, не менее важную роль в деле охраны памятников старины сыграло письмо, направленное после доклада Ф.А.Струве губернатору Бессарабии от имени Общества уже 28 сентября. Его оригинал за подписью Н.Н.Мурзакевича, сохранившийся в НАРМ, трактует древности как достояние науки и всей страны. В этой связи констатировалось: «Великая утрата сделана для местной истории тем, что случайно находимые памятники попадали в руки людей

несведущих, пропадали, к сожалению, бесследно, между тем как такие находки, своевременно осмотренные и знающими людьми обстоятельно описанные, доставили бы богатый материал для истории страны». Впрочем, помимо упования на то, что «дальнейшие открытия в Бессарабской области не останутся безвестными», письмо указывало и на некоторые случайные находки в Аккермане. Среди античных остатков в документе упоминается об открытии древних погребений. «При копании фундамента для паровой мельницы на берегу Днестра были видны человеческие остовы, глиняная слезница, наверное, греческого происхождения» (НАРМ 2-1-7864: 1, 2).

Несмотря на то, что реакция в Кишиневе была положительной и 5 октября был разослан по всей Бессарабии циркуляр, предписывавший местным органам власти доставлять в Общество находимые в земле предметы древности, новые значительные открытия в течение последовавших двух десятилетий стали редкостью. Одна из самых важных находок этого периода, дошедших в ИООИД, — римская надпись, обнаруженная на винограднике близ города в 1890 г. членом Общества А.А.Матвеевым. С сообщением о ее содержании выступил на одном из заседаний профессор Новороссийского университета Владимир Норбертович Юргевич, вице-президент ИООИД в 1883-1898 г. На основании названных в тексте надписи имен правивших тогда в Римской империи особ — Септимия Севера, Каракаллы, Геты и их титулов исследователь датировал памятник 198 г. н.э. Он рассматривал его в качестве еще одного доказательства своего мнения о тождестве местности, занимаемой Аккерманом, с древней Тирой (ГАОО 93-1-7: 26, 27; ОГНБ. Отчет 1889/1890: 4, 7). Тем не менее, надпись осталась едва ли не единственным археологическим фактом, вырванным из античного культурного слоя. Гораздо важнее — открытие древних комплексов, происшедшее в следующем десятилетии.

На 289-м заседании 16 сентября 1895 г. Общество заслушало составленное четырьмя днями ранее отношение аккерманского полицмейстера о новой находке на днестровском берегу. Сообщалось о раскопанном на даче Ицки Вольфовича Зисмана (в другом случае дана фамилия Зусман) песчаном холме, в котором на глубине 1,5 сажень — более 3 м — открылась «полуразрушенная катакомба». Это сооружение, сложенное из крупных блоков известняка и оштукатуренное изнутри, как будто бы имело разрисованные арабесками внутренние стены. Длина усыпальницы составляла 5,5 аршин — почти 4 м; перекрытие было арочным; а в каменном полу, которым служила «природная скала», обнаружили две «гробницы» — погребальные камеры — длиной 3 аршина и 4 вершка, глубиной 13 вершков (примерно 2,2 и 0,6 м). Находившийся случайно в Аккермане профес-

сор Новороссийского университета Александр Александрович Кочубинский отнес раскопанную И.В.Зисьманом катакомбу «к периоду до Р.Х.» Поскольку тут ожидалось исторически ценные находки, полицмейстер принял меры для охраны памятника.

После получения сведений из Аккермана, Общество по предложению вице-президента командировало туда своего эксперта. Им был Эрнест Ромуальдович фон Штерн, человек, более других сделавший в конце XIX — первых десятилетиях XX вв. для археологического изучения Тире. Уже 26 сентября два профессора — А.А.Кочубинский и Э.Р.фон Штерн — представили подробный отчет «О поездке по поручению общества в Аккерман для исследования открытой там гробницы». Из этого текста видно, что наблюдения, связанные с вновь обнаруженным памятником, были самым тщательным образом задокументированы. Кроме точных сведений о характере сооружения и выводов о его древности, находку зарисовали и сфотографировали. Состоявший из двух камер склеп находился под песчаной насыпью высотой 5,32 м. Сложенную на скале из массивных плит усыпальницу открыли в двух верстах от центра города, справа от дороги, ведущей вдоль лимана к колонии Шабо. Это произошло случайно, когда владелец участка, решив устроить каменоломню, снес часть большого кургана. Полные сведения о памятнике исследователи доложили для обсуждения на 290-м заседании ИООИД (ГАОО 93-1-106: 76, 76 об., 82-84).

Интерес к склепу не ослабевал достаточно долго. Об этом говорит один пассаж из письма Э.Р. фон Штерну от 17 февраля 1896 г. Автор послания — член Общества, аккерманский нотариус Владимир Исаакович Штулькерц, ставший летом того же года первым заведующим крепости. В.И. Штулькерц писал: «Сарматская могила стоит спокойно и не разрушается. Не можете ли Вы мне о ней сообщить кое-что для иностранного журнала?» (ГАОО 93-1-107: 13 об.). Обратил внимание на гробницу и известный архитектор Александр Львович Бертье-Делагард, принявший на себя с 22 января 1899 г. обязанности вице-президента ИООИД. Посетив Аккерман 14 апреля, он вскоре завершил «Доклад ИООИД о состоянии Аккерманской крепости и мерах необходимых для ее поддержания в возможной сохранности». В нем, помимо освещения основного вопроса, говорится и об открытом тремя годами ранее каменном склепе: «Посетили редкую и большую могилу, найденную при разборе кургана в 1895 г.» Автор высказывал сожаление, что «роскошный» погребальный памятник, в котором, по всей видимости, находилось «огромное количество вещей», был «частно разрушен и разграблен до его нахождения». По мнению А.Л.Бертье-Делагарда наиболее вероятной датой сооружения гробницы следует считать I-II вв. н.э. Вице-президенту Обще-

ства удалось разгадать тайну «арабесок» — «это продукты атмосферных влияний на гладкую штукатурку, а не дело умысла человеческого» (ГАОО 93-1-114: 8, 8 об.).

В отличие от находки 1895 г., изученной тогда же профессионалами, склепу, открытому в Аккермане в 1904 г., повезло куда меньше. Информацию об этом памятнике мы почерпнули из писем в адрес Общества, посланных Феропонтом Михайловичем Кречуном, заведовавшим аккерманской крепостью с 23 октября 1900 г. В письме от 3 августа 1904 г. он впервые сообщал, что во дворе купца Литвина при земляных работах, проводившихся «для устройства водосточной ямы», рабочие вышли на «огромную квадратную каменную плиту аршина три в ширину и длину» — более 2 м. Когда они стали углубляться в землю рядом с находкой, выяснилось, что одна «сторона плиты лежит на каменной стене, сложенной из огромных камней». По сообщению Ф.М.Кречуна аккерманский полицмейстер вроде бы разрешил владельцу усадьбы разбить плиту и продолжать работу. И все же Литвина удалось уговорить прекратить дело до получения вестей из Одессы. Уже в этом письме автор недоумевает как вообще остановить разрушение памятника, а в следующем — от 13 августа он писал, что камни во дворе Литвина разбиты якобы с ведома властей. В ходе дальнейших варварских раскопок из гробницы было «вынуто 7 скелетов». Между тем из Одессы никакой реакции не последовало. В новом письме из Аккермана от 16 августа сказано: «Раскопка во дворе Литвина сделана и открыта яма, построенная стенами наподобие гробницы, и в конце ее отверстие для двери, за этим отверстием снова видны плиты». Ф.М.Кречун вроде бы удалось вторично упрощить хозяина приостановить работы на несколько дней, но тот требовал действовать быстрее, поскольку «яма среди двора» не позволяла складывать на усадьбе «земледельческие машины», которыми Литвин торговал. Впрочем, появившиеся было надежды не принесли желаемого результата. Это видно из письма заведующего крепостью от 25 августа: «Гробница во дворе г. Литвина разрыта. Говорят, что нашли кости людей и верблюда, древностей, по их заявлению не было». Наконец, прямо указывалось, что торговец «от раскопки уклоняется», хотя отправитель письма еще надеялся добиться согласия провести «хоть на день раскопку для наших кладоискателей-любителей». В итоге, обещая сообщить ИООИД, «если что отыщется», почти отчаявшийся Ф.М.Кречун добавил: «Приезжать нет надобности» (ГАОО 93-1-121: 63-65, 72).

Этим ограничиваются сведения о находках в Аккермане и его окрестностях, которые нам удалось обнаружить в архивных документах Общества. Как можно легко увидеть, информация об античных памятниках касается главным образом погребальных сооружений, что особенно

интересно в связи с нерешенностью вопроса о некрополе Тиры и находками в последние десятилетия захоронений греко-римской эпохи, в том числе и склепов.

Сообщения об открытиях в землях, прилегающих к левому берегу Дуная в его низовьях, гораздо в большей мере рассеяны на географической плоскости. На первый взгляд, памятники этой зоны могут показаться не столь впечатляющими, но нельзя не отметить, что их слабая изученность скрывает возможности новых трактовок на основе архивных материалов. В этом отношении мы и рассматриваем документальные данные о древностях из Нижнего Подунавья.

Своего рода мостиками между двумя зонами интересов ИООИД в Бессарабии несомненно являются знаменитые «змиевы» валы, которые традиция издавна относила ко времени римских завоеваний. На эти достопримечательности края Общество обратило внимание едва ли не сразу после своего создания. По известным нам документам, уже на 4-м заседании 14 марта 1840 г. по предложению президента, попечителя Одесского учебного округа Дмитрия Максимовича Княжевича было принято решение сделать съемку наиболее выдающихся древних объектов в междуречье Дуная и Днестра, в том числе «римских Траяновых валов». Для реализации этой задачи на имя Бессарабского Военного губернатора Павла Ивановича Федорова было направлено письмо за подписями Д.М.Княжевича и Н.Н.Мурзакевича. В нем среди ряда «немых памятников древностей», которые подлежали топосъемке речь шла и о составлении планов Верхнего и Нижнего Траяновых валов. Тогда же член-корреспондент Общества Нелидов сообщил из Кишинева, что «приступил к собиранию сведений о так называемых Траяновых валах». Он предлагал, взяв план у губернского землемера, изучить валы на местности и провести раскопки во рвах — «не отыщется ли какая-нибудь монета, могущая, хотя бы приблизительно, показать эпоху возведения столь огромной насыпи». Нелидов обещал сделать для Общества рисунки разрезов вала, собрать информацию у жителей. Кроме того, в письме подчеркивается: «Очень замечательно, что все валы, находящиеся в Бессарабии, имеют ров с северной стороны» (ГАОО 93-1-1: 21-23; 93-1-55: 20, 20 об.; НАРМ 2-1-3441: 7-8).

К Нижнему Подунавью примыкает и остров Змеиный, документы о находках античных реликтов на котором относятся к 1843 г. В деле по 1-му столу канцелярии Измаильского градоначальника имеются сведения о находках на Змеином, называвшемся тогда Фидониси; рапорт об этом Бессарабскому военному губернатору. Сохранился список предметов древности, представленных генерал-лейтенанту П.И.Федорову, в котором значатся 73 экземпляра античных монет — в основном римских, а также причер-

номорских городов, в том числе Ольвии, Одессоса, Том, Эпира, Калатианы, «царей Тракии и Босфора Киммерийского»; глиняные обломки в виде человеческих и конских голов; металлические изображения, среди которых Купидон и мышь; «5 камушков с вырезанными на них фигурами». Все эти находки губернатор направил Обществу вместе с подписанным им посланием, в котором говорилось: «Командированный на о.Фидониси для содержания оногo в практическом положении на время производства там работ маяка комиссар измаильского карантинa Алексеев имел случай отыскать на сем острове разные древние монеты и другие вещи в прилагаемом у него списке значащиеся. Препровождая при сем древности эти, имею честь покорнейше просить общество принять их и известить меня о получении уведомлением» (НАРМ 2-1-3777: 1-3).

Другие имеющиеся в наших руках данные свидетельствуют о древностях, непосредственно связанных с Нижним Дунаем. Например, 1845-1846 г. датируются документы о находках поблизости от болгарской колонии Картал (ныне с. Орловка Ренийского района Одесской области, Украина). Вопрос о них обсуждался на 39-м заседании Общества 18 октября 1845 г., когда рассматривалось помеченное 10 августа отношение попечительского комитета об иностранных поселенцах Южного края России за № 5399. Речь шла об открытии крестьянами из Картала 10 камней с римскими надписями и барельефами. По распоряжению Министерства государственных имуществ эпиграфические памятники до поры хранились на месте обнаружения, но по желанию ИООИД могли быть переданы в его «музеум». Когда таковое было изъявлено, начальник Черноморского флота и портов предписал Николаевской кораблестроительной экспедиции перевезти находки из Измаила в Одессу. О положительном решении вопроса стало известно на заседании 30 мая 1846 г. На следующем 44-м заседании 16 октября члены Общества узнали, что «14 кусков камней» препровождены из Картала в Измаил еще распоряжением от 25 апреля. Из записи в журнале заседаний Общества 18 декабря можно узнать, что передача камней с надписями и барельефами разрешена министром государственных имуществ, а найдены они в 1840 г. (ГАОО 93-1-2: 18, 32, 37, 49).

Среди изученных нами документов Общества другие данные об античных памятниках на Дунае отстоят от предыдущих на пол века. В бумагах, касающихся переписки, хранится протокол, составленный 2 февраля 1895 г. приставом Рени. Согласно его содержанию, в этот день в полицейское управление пришел ренийский житель М.В.Мыйна и заявил о нахождении им 29 января на собственном винограднике в урочище Бужор клада золотых монет — всего 500 экз., «которые находились в земле без всякой посуды». В документе имеется и определение: «Все

монеты древнегреческие, в числе которых 364 штуки под названием золотой статир Филиппа Архидея, типа Александра Великого и 130 штук тетрадрахма Александра Великого и 6 штук статир Тарента». Сокровище весом 10 фунтов и 30 золотников (свыше 4,2 кг) с протоколом представили «на дальнейшее распоряжение в Измаильское уездное полицейское управление» (ГАОО 93-1-101: 34). К сожалению, других архивных материалов по поводу этой чрезвычайно интересной тезаврации мы не обнаружили.

Еще более не ясны данные о другой серии, возможно, также античных монет, связанных с Нижним Подунавьем. Они сохранились в переписке Общества осени 1896 г. В письме инспектора Килийского городского трехклассного училища А.Шиманского от 24 сентября привлекает внимание фраза: «Мастер сапожной мастерской при вверенном мне училище Янко Попандопуло просит меня предложить обществу не пожелает ли оно приобрести принадлежащие ему древние монеты». Вместе с письмом, как следует из того же текста, многолетний член-корресподент ИООИД отправил посылкой монеты — 9 золотых, 60 серебряных и 3 медных. Автор от имени владельца спрашивал сколько монет и за какую сумму Общество может купить у мастера, упомянув, что за один из золотых экземпляров будто бы уже предлагают 15 рублей. О реакции из ИООИД приходится только догадываться по другому посланию, направленному из Килии в Одессу полтора месяца спустя самим Я.Попандопуло. В нем говорится: «Так как до настоящего времени общество ничего не ответило на письмо, то я прошу общество сообщить в возможно скором времени, желает ли общество и за сколько могло бы приобрести принадлежащие мне монеты или же в самом непродолжительном времени возвратит их мне обратно» (ГАОО 93-1-101: 39; 93-1-107: 76). Следов дальнейшей переписки на сей счет мы также не нашли.

* * *

Обобщая сообщения архивных материалов нельзя не видеть, что находки в районе Аккермана касаются главным образом ряда погребальных памятников. Публикации подавляющей части этих данных в «Записках ИООИД», большой интерес археологов к проблематике, открытие и изучение новых объектов такого рода избавляет нас от необходимости говорить далее очень подробно. Тем не менее, на отдельных моментах остановиться специально следует.

Давно справедливо отмечается, что находки захоронений античного времени фиксируются как вблизи кварталов древней Тиры, так и на значительном удалении от нее — вдоль лимана в направлении Шабо. Такая двойственность с локализацией при отсутствии широкомасштабных полевых работ обусловили нерешенность

проблемы местонахождения тирского некрополя. Наиболее обстоятельно этот вопрос изучил И.Б.Клейман, собравший и проанализировавший большинство имеющихся в литературе сообщений об обнаруженных здесь захоронениях греко-римской эпохи. Информация, приведенная исследователем в специальной статье и затем совместно с П.О.Карышковским в монографии о Тире (Клейман 1978: 99-107; Карышковский, Клейман 1985: 31-33), особенно ценна для нас сопоставимостью с описанными материалами 1860, 1866, 1890, 1895 и 1904 гг.

Хотя идентификация известий о памятниках, обнаруженных в эти годы, не вызывает больших сомнений в принципе, существуют реальные трудности их датировок и атрибуций, являющиеся следствием отсутствия однозначных трактовок. Это хорошо видно на примере наиболее ранних сведений. Вполне вероятно, что в 1866 г. Ф.А.Струве и сопровождавший его инженер А.И.Панкратьев в самом деле нашли на месте строительства паровой мельницы — на территории, занятой теперь заводом медицинского оборудования — древнегреческие грунтовые захоронения: труположения, ориентированные в основном на восток (Струве 1867: 606-607). Еще менее понятна, на наш взгляд, ситуация, зафиксированная в 1860 г. в районе обнаружения небольшой статуи отдыхающего от охоты на калидонского вепря-гиганта Мелеагра(?) и эллинского надгробия. В обрыве лимана, ниже переотложенного слоя с этими находками Н.Н.Мурзакевич видел, зарисовал и коротко описал остатки погребальных сооружений, которые И.Б.Клейман, опирающийся на тот же документ из 93-го фонда ГАОО, склонен связывать с позднесредневековым могильником (Клейман 1978: 105). С такой оценкой можно было бы согласиться, однако вызывает недоумение указание на наличие в захоронениях вместо ожидаемых скелетов следов пережженных человеческих костей. Если это действительно остатки кремации, то датировать их столетиями османского господства в Аккермане опрометчиво, ибо погребальная обрядность этого хронологического периода на северо-западе Причерноморья, мусульманская да и любая другая, трупосождений не знала. Впрочем, уровень изучения археологических объектов второй половины XIX в., не позволяющий положиться на документальные свидетельства прошлого столетия без риска допустить грубую ошибку. В этом смысле вопрос о принадлежности отмеченных в 1860 г. захоронений при отсутствии полноценных современных данных не имеет пока точного ответа.

Иными являются другие находки из-под Аккермана. Сохранившаяся и по сей день «Скифская могила» (подкурганый склеп 1895 г.), в сравнительной близости от которой после второй мировой войны обнаружены три каменные гробницы, подобно им, скорее всего, сооруже-

на в первые века н.э. (Кочубинский, Штерн 1896: 13-16, табл. VII-VIII; Дмитров 1955: 117; Клейман 1978: 105; Сон 1979: 100-105; Росохацкий, Штербуль 78-80). Очень возможно, что отысканный в 1890 г. на винограднике близ города А.А.Матвеевым римский эпиграфический памятник прямо связан с погребением той же эпохи. Похоже, оно было совершено в каменной усыпальнице, находившейся где-то в «збыучих песках», подступающих к Белгороду со стороны Шабо (Клейман 1978: 104). Наконец, наиболее гипотетическим является отождествление каменной гробницы, раскрытой в 1904 г. на аккерманской усадьбе торговца Литвина. По известиям, собранным И.Б.Клейманом, с ним можно соотнести склеп, найденный в городе «в период между раскопками Э.Р. фон Штерна в 1900 и 1912 гг.» (Клейман 1978: 104). Как выяснилось, связь с этим именем данной находки не исчерпывается примечанием в отчете на 419-м заседании о раскопках Тире 1912 г. Оно указывает на произошедшее ранее «открытие склепа римского периода недалеко от базара» (419 заседание 1913: 93). Нельзя обойти молчанием факт рассмотрения на 361-м заседании ИООИД 16 сентября 1904 г. не иначе как вопроса «о случайных находках и раскопках Э.Р. фон Штерна в Аккермане, в усадьбе Литвина». К сожалению, кроме повестки дня, «Записки» опубликовали лишь принятое Обществом на этом собрании постановление: «Просить Э.Р. фон Штерна при первой возможности продолжать раскопки» (361 заседание 1906: 39). Становится очевидным, что усилия Ф.М.Кречуна не были напрасными, а находки представляли немалую ценность. Других сведений о работах во дворе Литвина в архивных документах или публикациях пока не обнаружено. О том, почему это событие не нашло освещения в «Записках», кажется, удастся создать довольно стройную версию. Из информации о заседании 16 сентября 1904 г. следует, что работы на усадьбе Литвина еще не были завершены и возможность их продолжать в тот момент отсутствовала. Только ли дело в том, что хронически недоставало средств? Кажется, в данном случае так случилось по другой причине и раскопки вообще не были продолжены Обществом. О происшедшем судить трудно, но причина неожиданного хода событий видится нам в могуществе торговца Литвина, владевшего на правах частной собственности злополучным участком. Дело не в одних самоуправных и в чем-то явно противозаконных действиях хозяина, на которые смотрел сквозь пальцы аккерманский полицмейстер. Имеется однозначное свидетельство о прямой конфронтации ИООИД с Литвином. В письме от 1 февраля 1905 г. Ф.М.Кречун сообщает в Одессу, что подан иск о выдворении купца из крепости (ГАОО 93-1-163: 144). Будучи собственником крепости, Общество сдавало ее сооружения и дворы в аренду торговцам для хранения их товаров за мощными

стенами. Известный нам торговец, очевидно, также держал там складские помещения. Удивительное в другом: небывалый по остроте конфликт, когда дело дошло до суда, возник в отношениях с человеком, на чьей усадьбе был открыт важный античный памятник. Невозможно допустить случайного совпадения, ведь речь идет о двух сторонах, заинтересованных друг в друге, одновременно выступающих в разных ипостасях и потом, как по роковому стечению обстоятельств, рвущих отношения! Думается, что за этими дрязгами как раз и стоит трагическая судьба едва ли не единственного склепа римской эпохи, найденного столь близко к кварталам древней Тире и разрушенного столь безотчетно быстро. Хотя основная часть данных о гробнице безвозвратно утеряна, место находки установить легко, локализуя усадьбу Литвина — человека без сомнения видного в городе в начале уходящего века. Возможно, выяснение местоположения этого памятника даст новый надежный ориентир для топографического определения тирского некрополя.

Материал о случаях находок предметов старины на Нижнем Дунае и интересах ИООИД в этом районе показывает большую, нежели в Аккермане и его окрестностях, разнородность памятников. Сначала остановимся на сообщениях о трех группах монет, отличающихся друг от друга по происхождению, составу и месту обнаружения. Хотя почти всегда эта категория древних вещей бывает окружена повышенным вниманием коллекционеров, и именно металлические деньги в глазах любителей реликтов и знатоков антиквариата являются носителями истинной ценности, проследить судьбу находок, известных по документам Общества, непросто. Дело в том, что из таких первоначально случайно открытых источников формировались (часто путем покупки) крупные коллекции, в числе обладателей которых пользовавшееся высочайшим покровительством Общество было далеко не самым состоятельным. Нужно ли удивляться, что находки, о которых сообщалось в Одессу, зачастую попадали в частные владения — в 60-х гг. XIX в. в городе насчитывалось пять широко известных личных нумизматических собраний, составленных главным образом из монет античных центров Северного Причерноморья (Мурзакевич 1867: 474-476).

Найденные на Змеином комиссаром Алексеевым античные монеты и мелкие украшения непременно должны были поступить в распоряжение ИООИД. Это заключение, основанное на документальных записях, позволяет ставить вопрос об идентификации по материалам фондов Одесского археологического музея и сохранившейся краткой описи одной из первых коллекций с памятника. Этому делу могут послужить как публикации в «Записках», так и новейшие исследования неизвестных до сих пор науке монет V в. до н.э. — III в. н.э., геммы и перст-

ней, происходящих из района святилища Ахилла (Мурзакевич 1844: 549-562; он же 1848: 413-415; он же 1853: 237-245; Карышковский 1983: 158-173; Охотников, Островерхов 1991: 69-71).

Открытая в 1895 г. ренийская тезаврация не упоминается в нумизматических сводках, отмечающих даже вовсе сомнительные сообщения о найденных кладах. Между тем не верить полицейскому протоколу так же трудно, как и доискиваться, почему монеты, попавшие в поле зрения властей, не стали достоянием науки. В попытке выйти за пределы внешне замкнутого круга, мы рассмотрели данные о всех опубликованных монетных кладах античной эпохи левобережья Нижнего Дуная. Как оказалось, близкие состав и историю имеет лишь золотое монетное сокровище из села Анадол (ныне Долинское Ренийского района Одесской области, Украина). В январе 1895 г. при добыче камня крестьяне Никита Куку и Захар Черниан обнаружили клад, схороненный в медном кувшине. Всего насчитывалось свыше тысячи или даже двух тысяч статов македонских царей IV — III вв. до н.э. — от Филиппа II до Лисимаха и Селевка I. Осмелимся утверждать, что совпавшие или сходные характеристики — не воля случая, ведь и имя ренийского мещанина, скупившего золотые монеты, — Михаил Миня (он же М.В.Мыйна). Очевидно, этот человек поначалу хотел утаить правду о кладе, сочинив легенду, запротоколированную местным приставом. Однако затем власти все же добились большего, и в итоге не 500, а 979 экз. попали в Эрмитаж (Нудельман 1985: 158). Отсутствие в ГАОО других сведений о находке, видимо, объясняет документ, рассмотренный на 48-м заседании Общества 12 марта 1847 г. В отношении Херсонской палаты государственных имуществ № 1661 сообщается о Государя императора высочайшей воле: «Древности передавать в Одесский музей, которые не поступят в санктпетербургские подобные хранилища» (ГАОО 93-1-2: 55). Разумеется, об этом знало законопослушное уездное начальство, и его усердием богатый Анадольский клад, минуя Одессу, прибыл в столицу империи.

Странна история монетного комплекса из Килии, ни о происхождении, ни о составе которого данных нет. Впрочем, даже скудные известия позволяют высказать некоторые суждения. Причастность А.Шиманского, человека образованного, долгие годы связанного с ИООИД, читавшего его «Записки», заставляет думать, что определение «древние монеты», имеющее в его письме, соответствовало действительному положению вещей. Судя по разнообразию присланных в Одессу 72 экз. (золото, серебро, медь), они не могли принадлежать одному кладу. Пожалуй, хотя бы часть из них, в частности медные деньги, происходит из культурного слоя какого-то античного памятника, близкого к Килии территориально. О существовании такового как будто бы свидетельствуют и мнения спе-

циалистов, и находки римских монет, и средневековая письменная традиция, возводившая топоним «Килия» к легендарной эллинской Ахилее (Гудкова 1989: 69-70; Нудельман 1985: 165-166; Кантемир 1973: 27). Кстати, не стоит отвергать и вероятности доставки их с острова Змеиный или даже из других относительно отдаленных мест. Что произошло с монетами Я.Поландопуло, остается загадкой. В сентябре — ноябре 1896 г. Общество явно тянуло со сделкой. Похоже, это собрание так и не куплено, из чего следует по меньшей мере два правдоподобных вывода. По первому из них килийские древности признали поддельными. Фальсификаты в то время были настолько обычным делом, что не раз приходилось предостерегать незадачливых коллекционеров, а в существовавшем в 1921-1922 гг. Одесском археологическом институте студентам даже преподавали «Историю подделок археологических памятников» (Извещение 1868: 320-321; Бертъе-Делагард 1896: 27-68; Боровой 1975: 6). Однако если иметь в виду попытку сбыта такого большого количества искусных имитаций (иначе отказ приобрести их был бы незамедлительным), скромный сапожник должен претендовать не более чем на роль посредника в афере, да и то заодно с А.Шиманским! Едва ли это так уже потому, что объектом мистификации избрано Общество, а не какой-либо богатый дилетант. Второе возможное заключение, по всей видимости, ближе к реальности и объясняет медлительность ИООИД его неплатежеспособностью в то время. В письме косвенно говорится о запрашиваемой цене одного золотого экземпляра — 15 рублей. Отсюда очевидно, что владелец запрашивал за все монеты примерно две-три сотни рублей серебром. Тогда это была значительная сумма (см. Жуков 1975: 211 и др.), и Общество, надо думать, умышленно задерживалось с ответом, надеясь, быть может, найти иные пути к монетам. Судя по всему, так не случилось, ибо располагавшие антиквариатом люди всегда действовали осторожно. В Бессарабии и в начале XX в. извлекаемые из земли старинные монеты прятали, так как их «забирала полиция за очень невыгодные цены» (Эбергардт 1916: 43). В этой ситуации вполне понятно, что монеты Я.Поландопуло могли пополнить одну из частных коллекций.

Определенное значение для истории археологического изучения края имеют памятники из Картала-Орловки. Их открытие в 1844 г. положило начало исследованию остатков римского предместного укрепления — одного из наиболее замечательных объектов античной эпохи на юге Бессарабии. К сожалению, находки, тогда же опубликованные Н.Н.Мурзакевичем, немногие дали для исторического познания. «Остатки римских надписей» с отдельными читаемыми словами и буквами, а также камни, на которых «сохранились одни только украшения», как бы противостоят единственному довольно круп-

ному обломку с сюжетным рельефом. Он представлял собой «рисунок Аполлона и Дианы, занимающихся звериной охотой» (Мурзакевич 1844а: 627-628). Монетные находки датируют римскую крепость у Орловки второй половиной I — первыми десятилетиями III вв. н.э. Данные хронологии и назначение этого стратегически важного сооружения позволяют устанавливать гипотетическую связь с Нижним Траяновым валом, нередко относимым учеными к системе пограничных укреплений Римской империи.

С той поры, как о вале писал Димитрий Кантемир и через 125 лет брался исследовать его упомянутый выше Нелидов, о грандиозной земляной насыпи, протянувшейся на 126 км от реки Прут до озера Сасык, написано много (см. Кантемир 1973: 29; Федоров 1960: 71-73; Вулпе 1960: 259-278; Чеботаренко, Субботин 1991: 124-145). Сложившаяся теперь историографическая ситуация характеризуется широким разбросом довольно хорошо аргументированных точек зрения, интеграция которых осуществима только в случае признания возможности многократного использования вала в античную и средневековую эпохи. Рвы по обе стороны сооружения, а также некоторые общеисторические соображения подтверждают перспективность такой трактовки (Федоров 1960: 72; Добролюбский 1991: 52). На время возведения первоначального укрепления в контексте специфики регионального исторического развития может указывать дата, полученная при анализе мощ-

ности и темпов образования гумусового слоя над валом, — II в. н.э. (Дзиговский, Лисецкий 1991: 42-43). В систему приграничных барьеров империи у Дуная входила и Орловка, подавляющее число находок римских монет которой приходится именно на II в. н.э. (Бондарь 1991: 9; Нудельман 1985: 168). Вместе с тем конкретное исследование вала указывает на возможность других вариантов датировки.

Ретроспективный обзор документов ИООИД, относящихся к античным памятникам Бессарабии, позволим себе завершить небольшой ремаркой. Данные по археологии из материалов Общества, хранящиеся теперь в архивах разных странах, конечно, несопоставимы с теми, что находятся еще в земле. Однако если полевые исследования дают археологу возможность увидеть своими глазами и самому описать открытые древности, то «кабинетный» археограф обладает преимуществом охватить сведения, накопленные в течение многих десятилетий. Исписанные витиеватыми почерками пожелтевшие от времени бумаги содержат в концентрированном виде сообщения о научной жизни историко-археологической интеллектуальной среды всего юго-запада Российской империи XIX — начала XX вв. Соединить достоинства обоих направлений исследования — дело будущего, ведь многие из затронутых нами и оставшихся за рамками работы вопросов еще ожидают более глубокого, в том числе и монографического, изучения.

ЛИТЕРАТУРА.

- Бертье-Делагард А.Л. 1896. Подделка греческих древностей на юге России // ЗООИД. Т. 19. С. 27-68.
- Бондарь Р.Д. 1991. О дунайском лимесе провинции Нижняя Мезия // Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П.О.Карышковского. Одесса.
- Боровой С.Я. 1975. Одесский археологический институт // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев.
- Виноградов Ю.Г. 1990. Слово об ученом, человеке, друге // Древнее Причерноморье. Материалы I Всесоюзных чтений памяти проф. П.О.Карышковского. Одесса.
- Вулпе Р. 1960. Верхний вал Бессарабии и проблема гревтунгов к западу от Днестра // Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев. С. 259-278.
- Гудкова А.В. 1989. Об изучении римских памятников на юге Буджака // История и археология Нижнего Подунавья. Рени.
- Дзиговский А.Н., Лисецкий Ф.Н. 1991. Новые данные по истории и палеографической обстановке создания Нижнего Траянова вала // История и археология Нижнего Подунавья. Т. II. Рени. С. 42-43.
- Дмитров Л.Д. 1955. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949-1950 рр. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. V.
- Добролюбский А.О. 1991. Кочевой мир и население Юго-Восточного Прикарпатья в средние века (типология взаимодействия) // История и археология Нижнего Подунавья. Т. II. Рени.
- Жуков В.И. 1975. Города Бессарабии (1861-1900). Кишинев.
- Извещение 1867. — Извещение собирателям древних монет // ЗООИД. Т. 7. С. 320-321.
- ИБ 1914. Исторический вестник. Кн. II. СПб.
- Кантемир Д. 1973. Описание Молдавии. Кишинев.
- Карышковский П.О. 1983. Ольвийские монеты, найденные на острове Левке // Материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев. С. 158-173.
- Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985. Древний город Тира. Историко-археологический очерк. Киев.
- Клейман И.Б. 1978. Новая гробница в районе Белгорода-Днестровского и вопрос о местоположении некрополя Тире // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Мурзакевич Н. 1844. Поездка на о. Левки или Фидониси в 1841 г. // ЗООИД. Т. 1. С. 549-562.
- Мурзакевич Н. 1844а. Открытие древностей близ селения Картал // ЗООИД. Т. 1. С. 627-628.
- Мурзакевич Н. 1848. Монеты, отысканные на острове Фидониси // ЗООИД. Т. 2. С. 413-415.
- Мурзакевич Н. 1853. Монеты, отысканные на острове Левки или Фидониси // ЗООИД. Т. 3. С. 237-245.
- Мурзакевич Н. 1867. О некоторых малоизвестных монетах // ЗООИД. Т.6.
- Кочубинский А.А., Штерн Э.Р. 1896. — Отчет проф. А.А.Кочубинского и проф. Э.Р. фон Штерна о поездке в Аккерман // ЗООИД. Т. 19.

- Охотников С.Б., Островерхов А.С. 1991. Геммы и перстни из святилища на Левке // Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П.О.Карышковского. Одесса. С. 69-71.
- Нудельман А.А. 1985. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (с древнейших времен до образования феодального Молдавского государства). Кишинев.
- Росохацкий А.А., Штербуль Н.А. 1991. Каменный склеп из окрестностей Тиры // Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П.О.Карышковского. Одесса.
- Сон Н.А. 1979. Склеп первых веков н.э. из окрестностей Тиры // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев.
- Струве Ф. 1867. Археологические заметки по поводу посещения Аккермана и его окрестностей в летнее время 1866 года // ЗООИД. Т. 6.
- 361 заседание 1906. — 361 заседание ИООИД 16 сентября 1906 года // ЗООИД. Т. 26.
- Федоров Г.Б. 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. // МИА. № 89.
- Чеботаренко Г.Ф., Субботин Л.В. 1991. Исследования Трояновых валов в Днестровско-Дунайском междуречье // Древности юго-запада СССР (I — середина II тысячелетия н.э.). Кишинев.
- 419 заседание 1913. — 419 заседание ИООИД 14 ноября 1912 года // ЗООИД. Т. 31.
- Эбергарт Я. 1916. Памятники старины и археологические находки в Бессарабии. Кишинев.